

Рыба – мифологический прообраз лодки

Дайнюс Разаускас

The known mythological ideas of the water body either as the way to the other world or as the very other world are first recalled in the article. Then, the ideas of the deceased sailing to the other world in boats or ships. After that, the archaic image of death as a big fish swallowing the deceased. This image, as a form of hut, is also traced in primitive initiations. Finally, it is furthermore maintained, on the grounds of some additional data, that the fish in this aspect is the mythological prototype of the boat or ship as such, which was firstly invented according to the knowledge gained during the corresponding initiation.

Водная стихия повсеместно является одним из основных прообразов мира мертвых, или же водное пространство представляет собой переправу либо препятствие, которое душе умершего необходимо преодолеть на пути в обитель мертвых. Так, уже в вавилонском эпосе о Гильгамеше сказано:

«Трудна переправа, тяжела дорога,
Глубоки в о д ы с м е р т и, что ее преграждают.
А что, Гильгамеш, п е р е п р а в и в ш и с ь м о р е м, –
Вод смерти достигнув, – ты будешь делать?»¹.

В славянской традиции «в плане соотнесенности Волоса с загробным миром особенно показательно старочешское выражение *k Velesu za moře* [„к Велесу за море“], относящееся к смерти и означающее, собственно, „на тот свет“². В украинской песне, по пересказу А. Н. Афанасьева, «девушка просит ангела поплыть *до батенька* (умершего) *по морю* и принести от него вести»³. «Связь моря с отрицательным началом, в частности со смертью, подтверждается также представлениями, отраженными главным образом в сказках, согласно которым море служит дорогой на тот свет (ср.: *м о р е* *расступилося, дорога открылася, дурак ступил раз-другой и очутился... н а т о м с в е т е*)»⁴. Соответственно в литовс-

¹ М. Элиаде. Священные тексты народов мира. Москва, 1998, с. 321.

² Б. А. Успенский. Филологические разыскания в области славянских древностей. (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). Москва, 1982, с. 56. Вставки в квадратных скобках здесь и далее – мои.

³ А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственньих народов, III. Москва, 1995, с. 396.

⁴ Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период). Москва, 1965, с. 115; внутренняя цитата из: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах / Подготовка текста, предисловие и примечания В.Я. Проппа. – Москва, 1958, с. 163, № 216.

ких сказках, например: *Nieko nereikalauju, kad tik perneštum mane per šitas mares in aną svieta* ‘Ничего не требую, перенеси только меня через это море на тот свет’⁵. Подобным образом, по наблюдению В.Н. Топорова, одним из образов смерти «в латышских дайнах с участием *Veļu māte* оказывается вода в разных ее видах, включая и слякоть, болото, море, влагу и т.п. Ср., в частности, мотив моря: *Dar’, Dieviņi, zelta sētu / Visgarāmi jūras malas, / Lai nevar Veļa māte / Visu zemi zēģelēt* [‘Сделай, Боже, золотую загородь / Вдоль всего морского берега, / Чтобы Мать Веля не смогла / По всей земле носиться’] (27683). Судя по этому фрагменту, *Veļa māte* находится за морем», и в этом случае «латышский мифологический мотив (*Vel-* на море) до деталей совпадает со старочешским свидетельством о такой же локализации Велеса (ср. проклятие-отсылку XV в.: *nýkam k Velesu za moře; nýkam k Velesu pryč na moře*, подобно отсылке за море лихорадок, болезней и т.п. в русских заговорах)»⁶. В начале XX в. в Малой Литве зафиксировано поверье о том, что во время великой чумы 1709 г. *Giltinė atėjo iš marių ir smaugė žmones* ‘Смерть пришла из моря и душила людей’⁷. При этом очевидно соотношение моря и смерти и на фонетическом уровне: ср. лит. *mārios, mārės, marià, mārė* ‘море’ и *mara, māras* ‘смерть, умирание, мор, чума’, *marėti* ‘вымирать’, *marinti* ‘морить, умерщвлять’⁸. И это созвучие носителями языка хорошо осознается: так, по определению литовского писателя и культурного деятеля времён национального возрождения В. Петариса (1894 г.), «Слово *marios* ‘море’ происходит от слов *marus* ‘смертный, смертоносный’, *marinantis* ‘морительный, умерщвляющий’, иными словами, *marios* ‘море’ – то же, что *marinančios* ‘морящее, умерщвляющее’»⁹. Ср. в русском сходство между *море* и *мор* и, в свою очередь, мнение А. Н. Афанасьева о том, что наряду с соответствующими словами в других и.-е. языках «славян. *море* – от *mri-* ‘умирать’ = мертвая, пустынная поверхность»¹⁰. Вместе с А. Ф. Журавлевым «было бы небезынтересным проследить на славянском языковом материале народноэтимологические сближения понятий ‘море’ и ‘смерть’, выражаемых омонимичными корнями **mor-*. На первый случай укажем параллелизм „отчеств“ *Моревич* ‘житель морского побережья’ в сибирских былинах и *Моревна – Марья Моревна* из „сказок Афанасьева“, которая может быть заподозрена в некоей косвенной причастности потустороннему миру, ср. ее похищение Кашеем, сущность („с м е р т ь“) которого, как известно, локализуется в конечном счете за м о р е м-океаном, на острове»¹¹. Фонетическое сходство соответствующих слов явно во многих индоевропейских языках. Учитывая также их семантическую соотносимость, было высказано пред-

⁵ Lietuvių rašytojų surinktos pasakos ir sakmės / Parengė Bronislava Kerbelytė. Vilnius, 1981, с. 47, № 16.

⁶ В. Н. Топоров. К реконструкции одного цикла архаичных мифопоэтических представлений в свете «Latvju dainas» (К 150-летию со дня рождения Кр. Барона) // Балто-славянские исследования 1984. Москва, 1986, с. 55.

⁷ R. Racėnaitė. Regimieji mirties pavidalai skirtinguose lietuvių tautosakos žanruose // Tautosakos darbai, XXI-II. Vilnius, 2007, с. 85.

⁸ Lietuvių kalbos žodynas, VII. Vilnius, 1966, с. 846–849, 858–860 и далее.

⁹ Цит. по: В. Кобашинкайтė. Lietuvių kalbos liaudies etimologija ir artimi reiškiniai. Vilnius, 1998, с. 61.

¹⁰ А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, II, с. 65. А. Н. Афанасьев придерживался устаревшего уже в его время представления о происхождении всех индоевропейских языков из санскрита, поэтому вместо и.-е. **mer-* указывает соответствующий санскритский глагольный корень нулевой степени чередования гласных (в современной транскрипции) *mṛ-*.

¹¹ А. Ф. Журавлев. Язык и миф: Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». Москва: Индрик, 2005, с. 289; разрядка А. Ж.

положение о том, что корни и.-е. **mōr*- 'море, стоячая вода' и **mer*- 'умирать; смерть' действительно являются родственными, т.е. связанными генетически, этимологически¹².

Типологически показательно, что, например, индейцы «квакиутль представляли себе море как огромную реку, текущую на север. Так же на север (в других текстах говорится о западе), в любом случае в открытое море, открывается вход в подземный мир, где души умерших соединяются со сверхъестественными духами. Когда прилив убывает, море наполняет подземный мир; оно опорожняет его, когда вновь поднимается»¹³. По научению русской информантки о заговорах, *если боишься, что покойник вернется, то, когда придешь с кладбища, открой все засовы у печки и проговори в трубу: Ты – за рекой, я – за другой, ты к нам – ни ногой*; ср. еще заговор от возвращения покойника: *Я – за рекой, ты – за другой, не видаться нам с тобой. Будь свят, лежи на своем месте*¹⁴. «Любопытно в этом смысле, что Юрий Долгорукий, по свидетельству летописи, называл заднепровский киевский двор „раем“ (*егоже звають самъ [Юрий] Раемъ*); можно предположить, что в этом наименовании актуализируется языческое представление о рае как месте, отделенном водным пространством»¹⁵. По отношению к сказанному заслуживают пристального интереса соображения О.Н. Трубачева об этимологической сопряженности славянского обозначения мира блаженных **rajь* с глагольным гнездом и.-е. **rei-* / **roi-* / **rōi-* 'течь', куда принадлежит и слав. **reka* 'река'; **rajь* толкуется как 'связанный с течением', в частности, 'заречный'¹⁶.

В качестве примера самой реки как пути на тот свет приведем для сопоставления один за другим строфу украинской коровайной песни (записанной в середине XIX в. на великорусский манер), в которой душа в раю уподобляется рыбе в Дунае:

*Вийся, короваю,
Еще выиший вид раю,
Як душейка по раю,
А рибойка по Дунаю*¹⁷;

четверостишие латышской дайны (записана в 5 вариантах), в котором души плывут по реке Двине (заметим: на запад и по направлению к морю, объединяя тем самым два местоположения мира мертвых воедино):

¹² В. П. Казанскене. «Стоячая вода» и «смерть» в индоевропейской традиции // Балто-славянские этнокультурные и археологические древности: Погребальный обряд (Тезисы докладов). Москва, 1985, с. 43–44.

¹³ К. Леви-Стросс. Путь масок. Москва, 2000, с. 65.

¹⁴ Русские заговоры и заклинания / Под редакцией проф. В. П. Аникина. Издательство Московского университета, 1998, с. 385, № 2462 и 2456; см. А. Ф. Журавлев. Язык и миф, с. 288–289.

¹⁵ Б.А. Успенский. Филологические разыскания, с. 56; см. А. Ф. Журавлев. Язык и миф, с. 288–289.

¹⁶ А. Ф. Журавлев. Язык и миф, с. 290; О. Н. Трубачев. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. Москва: Наука, 2003, с. 190. Ср., кстати, Заречье в старом Вильнюсе, до сих пор имеющее особый культурный статус.

¹⁷ Н. Ф. Сумцов. Символика славянских обрядов: Избранные труды. Москва, 1996, с. 241.

*Strauji tek Daugaviņa,
Strauji dienu, strauji nakti.
Kā ta strauji netecēs,
Pilna dārgu dvēselišu.*

*Быстро течет Двинушка,
Быстро днем, быстро ночью.
Как же она не потечет быстро,
Полная дорогих душ¹⁸;*

и отрывок из мандеистского сочинения «Плач Гибилы», в котором тот для спасения душ создает речные потоки:

«Я создал ручьи из свежей воды, как воды в Иордане,
в которых души принимают крещение.
Я создал путь, так что все души плывут по течению и восстают»¹⁹;

*

Что же касается нашей темы, интерес представляют следующие русские загадки с ответом «корабль или лодка», в которых море также прямо уподобляется смерти: *Едет воз без колес, а дорога без песку, а кнут без леску, сидит погоняет, на смерть поглядает*; или же: *Еду, еду – следу нету, оглянуся – смерти боюся*; тем более следующая: *Еду, еду, ни пути, ни следу, смерть подо мной, Бог надо мной*²⁰. Также в соответствующих белорусских: *Еду-еду на сивым деду, сухолиный пыгыняю, на смерць пылудаю [поглядаю] = водная поверхность*²¹; *Еду, еду на старым дзеду, кіем папіхаю, на смерць паглядаю = челн*; *Еду, еду – ні следу. Пужкаю махаю, на смерць пазіраю*; *Еду на раўнядзі, ад смерці на тры пядзі і пад нагамі неба = лодка*; *Воз без калёс, дарога без пяску, свішчом паганяе, на смерць паглядае = плыць на челне*; *На сухім еду, сухім паганяю, на смерць паглядаю = лодка, весло*²². В латышских: *Ceļš bez smilšu, zirgs bez kāju, aprakšā nāvē* ‘Дорога без песка, конь без ног, внизу смерть’ = лодка на воде; *Krāslā sēd, novē verās* ‘В кресле сидит, на смерть смотрит’; *Pats kokā, koks rokā, nāvē skatās* ‘Сам в древе, в руке древо, на смерть смотрит’ = человек в лодке²³. В литовской: *Kumelė be klušių, kelias be dulkių, botagas be pavaros – mirtis ant nosies* ‘Кобыла без ляжек, дорога без пыли, бич без подборы – смерть на носу’ = плыть на лодке²⁴. И лодка или корабль, как средство преодоления «моря смерти» или передвижения по нему, здесь появляется не случайно.

Так, в древнеегипетских «Текстах саркофагов» мы обнаруживаем следующее обращение к усопшему: «Ты переплывешь на другую сторону на лодке и не

¹⁸ Krišjāņa Barona Dainu skapis // <<http://www.dainuskapis.lv>>, № 30710-5; см. J. Kursīte. Latviešu folklorā mitu spoguļi. Rīga, 1996, с. 57.

¹⁹ The Gnostic Bible / Edited by Willis Barnstone and Marvin Meyer. Boston & London, 2003, с. 559.

²⁰ Загадки / Издание подготовила В. В. Митрофанова. Ленинград, 1968, с. 134, № 4471, 4492; Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач / Составил Д. Садовников. С.-Петербург, 1876, с. 183, 185, № 1485, 1509.

²¹ Простонародные загадки / Собрал в Витебской губернии Н.Я. Никифоровский. Витебск, 1898, с. 27, № 476 (записи Н. Я. Никифоровского выполнены тогдашними русскими писменами и отличаются от позже принятого белорусского правописания).

²² Загадки: 2-е выданне, выпраўленае і дапрацаванае / Складнікі: М. Я. Грынблат, А. І. Гурскі. Мінск, 2004, с. 265, 266, № 2868, 2870, 2875, 2878, 2879.

²³ Latviešu tautas miklas. Izlase / Sastādījusi A. Ancelāne. Rīgā, 1954, с. 170–171: № 1726, 1738, 1739.

²⁴ „Menu mįslę keturgyslę“: Lietuvių liaudies mįslės / Paruošė K. Grigas. Vilnius, 1970, с. 139, № 953.

обернешься, ты поплывешь по волнам потока, и твоя жизнь начнется сызнова»²⁵. В свою очередь, на росписях восточной стены гробницы Тутанхамона находится изображение ладьи, и также «среди вещей, найденных в гробнице Тутанхамона, мы встречаем ладьи, весла»²⁶. В древнеегипетской мифологии гроб с уложенным в него Осирисом пускается вниз по течению Нила²⁷. «„Лодка умерших“ играет значительную роль в Малайзии и Индонезии, как в собственно шаманских практиках, так и в погребальных обычаях и плачах. Все эти верования, конечно, связаны, с одной стороны, с обычаем класть покойников в лодки или погружать их в море, а с другой стороны, с погребальными мифологиями»²⁸. «В Индонезии шаман сопровождает умершего в потусторонний мир и для этого экстатического путешествия часто использует лодку», в то время как «даякские плакальщицы Борнео выполняют ту же роль, напевая ритуальные песни, в которых идет речь о путешествии умершего в лодке»²⁹. У даяков нгаджу в Южном Борнео, соответственно, «гроб имеет форму лодки»³⁰. У племени тораджа в Центральном Сулавеси «гроб назывался либо *банка*, либо *джуму*. Второе слово обозначает любой покров, тогда как первое имело значение „лодка“ [...]. Что гроб действительно мыслился лодкой, явствует из того факта, что если кому-то во сне привиделся человек, идущий на веслах, то считалось, что гребец вскоре умрет»³¹. По словам В.Н. Топорова, «этот круг образов смерти в последнее время получил подтверждение в свидетельствах пациентов, переживших клиническую смерть. Вот одно из таких показаний: „Я потеряла сознание, после чего услышала неприятное жужжание и звон. Затем я помню, как оказалась на корабле или в небольшой лодке, переплывшей на другой берег водного пространства, а на том берегу я видела всех, кого я любила в этой жизни...“»³².

«Аналогичные верования и погребальные практики (лодка умерших и т.п.) встречаются у германцев и у японцев»³³. Ср. известные скандинавские захоронения в ладьях времен викингов и ранее, похоронные ладьи в германской мифологии (например, похороны короля в «Беовульфе», Бальдра в «Эддах») и др.³⁴ Сходным образом, а вероятно и в непосредственной связи с этим, по словам Е.Е. Левкиевской, «вера в то, что душа по дороге на „тот“ свет переправляется через водную преграду, нашла отражение в древнерусском похоронном обряде: умершего несли к месту погребения в ладье»³⁵. По наблюдению В.А. Чистякова, «в календарно-обрядовом фольклоре сохранились и отголоски веры в то, что загробный мир находится в низовьях реки: чучело или другой знак с тем же значением бросали в воду, имитируя при этом похороны. Один из подобных обрядов – похороны русалки – заключался в том, что наряженную в платье куклу клали в гроб, „похоронная“ процессия направ-

²⁵ М. Элиаде. Священные тексты народов мира, с. 347.

²⁶ М.Э. Матье. Избранные труды по мифологии и идеологии Древнего Египта. Москва, 1996, с. 51.

²⁷ L. Spence. Myths and Legends of Egypt. London, (1915) 1998, с. 67–68.

²⁸ М. Элиаде. Шаманизм: Архаические техники экстаза. Киев-Москва, 2000, с. 330.

²⁹ Там же, с. 332.

³⁰ М. Элиаде. Священные тексты народов мира, с. 166.

³¹ Там же, с. 339.

³² В. Н. Топоров. О «поэтическом» комплексе моря и его психофизиологических основах // Он же. Миф, ритуал, символ, образ: Исследования в области мифопоэтического (Избранное). Москва, 1995, с. 619.

³³ М. Элиаде. Шаманизм, с. 330.

³⁴ Н. R. E. Davidson. Gods and Myths of Northern Europe. London, 1990, с. 133–137.

³⁵ Е. Е. Левкиевская. Мифы русского народа. Москва, 2002, с. 172.

лялась к реке, где с русалкой прощались и бросали гроб в воду. Так в календарном фольклоре отразился распространенный древнеславянский обычай погребения или сожжения в лодке [...]. Воспоминания об этом сохранились и в толкованиях сна – перед покойником якобы снится лодка³⁶. Ср. синонимию ‘гроба’ и ‘ладьи’ в словах *колода* ‘гроб’ и ‘долбленная лодка’, (полес.) *дуб* ‘гроб’ и ‘долбленная лодка’ и т.п.; А. Ф. Журавлев подмечает: «Кажется, в этой связи до сих пор не обращали внимания на одну в высшей степени замечательную украинскую (записанную на Уманщине, территория современной Черкасской области) паремиологическую формулу, которая служит ответом жалующемуся на то, что он не выпался: *Висписся в човні (або: в дубі)* ‘выспишься в челне (или: в лодке-долбленке)’, то есть ‘в гробу, на том свете’³⁷. Здесь также уместно вспомнить о том, что старослав. *ковъчегъ* имело значение ‘гроб’ и вообще было заимствовано из восточных языков, среди которых чулым.-татар. *koуur* ‘гроб’, монгол. *qagurĉaq* ‘большой ящик, гроб’ и др.³⁸ «Не сказалось ли описываемое явление, – задается вопросом А. Ф. Журавлев, – и в аналогической выработке метафорического значения ‘смерть, конец’ у тюркизма *каюк* ‘лодка, челнок’ (из татар., турецк., крым.-татар. *kajyk*)?»³⁹. В Пруссии обнаружены захоронения на вымощенных камнем площадках, имеющих форму корабля⁴⁰. Реминисценции погребальных лодок отражаются в народных песнях литовцев из Малой Литвы⁴¹, может быть, и в некоторых литовских легендах и преданиях⁴². В некоторых латышских загадках сама лодка уподобляется мертвецу: *Nedzīvs dzīvu nes (vizina)* ‘Мертвый живого несет (возит)»; *Dzīvs zaļu kroni nes, nomiris – dzīvas dvēseles* ‘Будучи живым носит зеленую корону, умерши – живых душ’ = человек в лодке⁴³. Ср. выше загадки о лодке на воде = смерти.

В этом отношении следует обратить внимание на такие слова соответствующих языков, как лтш. *nāve* (в частности, в тех же загадках), лит. *novė* ‘смерть’, прусск. *nowis* ‘труп’, др.-рус. *навь*, гот. *naus* ‘тело мертвеца’ и др. С одной стороны, распространение данных слов «ограничено балто-славяно-германским ареалом, что явственно указывает на общность представлений о смерти и соответствующих обрядов у этих именно групп индоевропейцев», «но вместе с тем – согласно Вяч. Вс. Иванову, – известные данные о роли лодки или корабля в погребальном обряде у тех же племен делают весьма вероятным сопоставление с общиндоевропейским названием ‘судна’, звучащим практически так же [ср. лат. *nāvis*, др.-гр. *ναῦς* и др.]. Если эта гипотеза верна, то превращение ‘судна, корабля, лодки’ **nau-* в один из важнейших элементов погребального обряда могло бы считаться существенным этнолингвистическим признаком всего балто-славяно-германского ареала»⁴⁴.

³⁶ В. А. Чистяков. Представления о дороге в загробный мир в русских похоронных причитаниях IX–XX вв. // Обряды и обрядовый фольклор. Москва, 1982, с. 122.

³⁷ А. Ф. Журавлев. Язык и миф, с. 290.

³⁸ А. Ф. Журавлев. Язык и миф, с. 291; см. М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, II. Санкт-Петербург, 1996, с. 272.

³⁹ А. Ф. Журавлев. Язык и миф, с. 288.

⁴⁰ V. Šimėnas. Archeologinių tyrinėjimų Prūsijoje istorija // Užmirštieji prūsai: Archeologija, istorija, padavimai ir turistiniai maršrutai. Vilnius, 1999, p. 45.

⁴¹ R. Balsys. Mažosios Lietuvos žvejų dainos. Klaipėda, 2003, p. 157–158.

⁴² J. Balys. Raštai, IV. Vilnius, 2003, с. 94, 116–117: № 61–65.

⁴³ Latviešu tautas miklas, с. 171: № 1740, 1741.

⁴⁴ Вяч. Вс. Иванов. Лингвистические материалы к реконструкции погребальных текстов в балтийской традиции // Балто-славянские исследования 1985. Москва, 1987, с. 9; см. Т. В. Гамкрелидзе, Вяч.

Согласно Мирча Элиаде, «ритуальная лодка, на которую складывали трупы, была прототипом всех прочих лодок. Это очень важное замечание, ибо оно помогает лучше представить себе зарождение человеческого мастерства. То, что называется „покорение природы человеком“, было не столько результатом непосредственных научных открытий, сколько плодом различных „ситуаций“, в которых человек оказывался в этом мире, ситуаций, определяемых диалектикой иерофаний»⁴⁵. В этом отношении также можно указать на повсеместно известный мифологический мотив деревянной корзины, ящика или бочки, заключенный в которую герой (или будущий герой) пускается в море или по течению реки – ср. уже отмеченный выше гроб Осириса.

*

Но образ лодки в водах смерти, разумеется, не является первичным. Исторически более ранним представлением смерти была пасть, глотка чудовища, в первую очередь – водного чудовища, в частности, большой рыбы. По словам В. Я. Проппа, «смерть-пожирательница древнее других видов смерти», поэтому «быть проглоченным было первым условием приобщения к иному царству», а «вход в царство идет через пасть животных»⁴⁶. Здесь уместно напомнить, что древнегреческое слово *χάος* ‘хаос’ – одного корня с *χάσσω* ‘зевать, зиять, раскрывать рот’ и далее с русскими *зиять*, *разевать*, литовскими *žióti(s)* ‘разевать, раскрывать рот’, *žiótys* ‘пасть; горловина’ и восходит к и.-е. корню **ǵhē-* / **ǵhǵh-* со значением ‘разевать рот, зевать, зиять’, к которому также восходит древнеисландское название первичной бездны хаоса *Ginnunga gap*⁴⁷. По словам А. Ф. Лосева, «хаос поэтому означает прежде всего ‘зев’, ‘зевание’, ‘зияние’, «он – мировое ч у д о в и щ е, сущность которого есть пустота и ничто»⁴⁸. Понятие об Аиде как о чудовище, поглощающем умерших, не было чуждо и христианской мысли, например, в одном из средневековых изображений «Христос стоит у открытой пасти огромного р ы б о п о д о б н о г о чудовища, из которого выходят первые представители человечества – Адам и Ева»⁴⁹. Преисподнюю в

Вс. Иванов. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Издательство Тбилисского университета, 1984, с. 825; О.Н. Трубачев. Этногенез и культура древнейших славян, 190–191; А. Ф. Журавлев. Язык и миф, с. 288; ср. Н.А. Криничная. Русская народная мифологическая проза: Истоки и полисемантизм образов, I: Былички, бивальщины, легенды, поверья о духах-«хозяевах». Санкт-Петербург, 2001, с. 421.

⁴⁵ М. Элиаде. Очерки сравнительного религиоведения. Москва, 1999, с. 148.

⁴⁶ В. Я. Пропп. Собрание трудов: Морфология (волшебной) сказки [С. 5–111]; Исторические корни волшебной сказки [С. 112–436]. Москва, 1998, с. 332, 345, 367.

⁴⁷ См.: Т. В. Топорова. Семантическая структура древнегерманской модели мира. Москва, 1994, с. 42; М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, II, с. 98; П. Я. Черных. Историко-этимологический словарь современного русского языка, I. Москва, 1999, с. 325; E. Fraenkel. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, Göttingen, 1962–1965, с. 1312–1313; J. de Vries. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden, 1962, с. 156, 167; а также J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, I. Bern-München, 1959, с. 418–422, 449 и др. Шире об этом весьма распространено и развито представлении см.: А. Ф. Журавлев. Язык и миф, с. 386–388; Д. Разаускас. Символика рыбы, связанная с нижним миром и смертью, в балто-славянской традиции // Балто-славянские исследования XVII. Москва, 2006, с. 332–344.

⁴⁸ Мифы народов мира: Энциклопедия в двух томах, II. Москва, 1982, с. 579, 581.

⁴⁹ Э. Б. Тайлор. Первобытная культура. Москва, 1989, с. 163.

виде большой рыбы, разверзнувшей глотку, мы находим и в искусстве, в частности, в картине Эль Греко «Сон Филиппа II» (см. МНМ II, 43) и др.

Здесь можно вспомнить слова Евангелия от Матфея 12.40, где пребыванию Ионы во чреве большой рыбы уподобляется гробница Иисуса Христа: «Ибо, как был Иона во чреве кита три дня и три ночи, так будет Сын Человеческий в сердце земли три дня и три ночи». Таким образом, гробница Иисуса Христа – а вместе с тем и могилы всех усопших до и после Него, которых Он Своим воскресением спас из пасти вечной гибели, – приравниваются к чреву «большой рыбы», представляющей собой смерть. И сопоставление это также далеко не случайно. Найденный в Пипрахве каменный сосуд с останками Гаутамы Будды тоже, кстати, имеет форму рыбы⁵⁰. По словам Проппа, «гроб, это, конечно, позднейшее явление. Но возникновение и эволюция гроба вообще могут быть прослежены. Предшественниками гроба являются деревянные хранилища животной формы. Такие хранилища засвидетельствованы во многих местах. Шурц, например, сообщает о домах с деревянными изображениями акул, внутри которых хранились трупы вождей. Это – древнейшая форма гроба. Такая форма, в свою очередь, отражает более ранние представления о превращении человека при смерти в животное или о съедении его животным. В дальнейшем гроб теряет свои животные атрибуты. Так, в египетской „Книге мертвых“ можно видеть изображения саркофагов или постаментов, на которых лежит мумия. Они имеют ножки животного и голову и хвост животного. В дальнейшем животные атрибуты совсем отпадают, и гроб принимает известные нам формы»⁵¹. Тем более что саркофаг, др.-гр. *сарко-φάυος*, буквально означает ‘пожиратель плоти, плото-ядный’ и непосредственно указывает на сопоставление гроба, могилы с чудовищем, проглотившим плоть умершего. Поэтому действительно, по словам Дж. Кэмпбелла, «саркофаг или гроб являются вариациями чрева кита»⁵². Осознание этого, наконец, совершенно четко отражают русские загадки с ответом «Иона»: *Гроб плывет, в нем мертвец поет; Гроб ходящие, в нем мертвец пояше; Плывет гроб по морю, а в нем мертвец иже херувимы поет*⁵³; *Гроб плывет, а мертвец поет; Гроб живой и мертвец живой, гроб плывет, а мертвец поет; Был человек живой положен в живую могилу, могила с ним три дня ходила*⁵⁴.

По словам Юнга, «„знамение Ионы пророка“ восходит к более древней традиции, повествовавшей о героическом ночном путешествии и победе над смертью, когда герой оказывался проглочен рыбой („китом-драконом“), а затем возрождался. Имя спасителя Иешуа, Игошуа [‘Яхве есть спасение’] (греч. Иисус) связано с рыбой: Иешуа – сын Нуна, а Нун означает ‘рыба’»⁵⁵.

Указанный Юнгом архаичный мифологический мотив известен повсеместно. Например, в русской сказочной традиции он был рассмотрен уже А. Н. Афанасьевым. Приведем его короткий пересказ: «Был у мужика (повествует русская сказка) мальчик-семилеток – такой силач, какого нигде не видано и не слыхано! Послал его отец дрова рубить; он повалил целые деревья, взял их словно вязанку дров и понес

⁵⁰ R. G. Chandra. *Indian Symbolism: Symbols as Sources of Our Customs and Beliefs*. New Delhi, 1996, с. 73.

⁵¹ В. Я. Пропп. *Собрание трудов*, с. 218.

⁵² Дж. Кэмпбелл. *Герой с тысячами лицами*. Киев, 1997, с. 302.

⁵³ Загадки русского народа, с. 271, № 2194.

⁵⁴ Загадки, с. 153, № 5162–5164.

⁵⁵ К.Г. Юнг. *Аион: Исследование феноменологии самости*. Москва–Киев, 1997, с. 128.

домой. Стал через мост переправляться, увидала его морская рыба-кит (по другому списку: рыба-щука), разинула пасть и сглотнула молодца со всем как есть – и с топором, и с деревьями. Мальчик и там не унывает, взял топор, нарубил дров, достал из кармана кремь и огниво, высек огня и зажег костер. Невмоготу пришлось рыбе: жжет и палит ей нутро страшным пламенем! Стала она бегать по синю морю, во все стороны так и кидается, из пасти дым столбом – точно из печи валит; поднялись на море высокие волны и много потопили кораблей и барок, много потопили товаров и грешного люду торгового; наконец прыгнула та рыба высоко и далеко, пала на морской берег да тут и издохла. Четверо суток работал мальчик топором, пока прорубил у ней в боку отверстие и вылез на вольный белый свет»⁵⁶. Известен этот мотив и в латышской (Kursīte, 364) и литовской традициях. Ср латышскую быличку:

Reiz jūrā redzēta tik liela zivs, ka bēdas... Vēlāk zivs, prom iedama, ierijusi zvejnieku ar visu laivu. Zvejnieks citādi gan palicis vesels; tikai zivs vēderā bijis nejauki tumšs un ēst arī gribējies. Tē atminējies, ka laivā malka līdz un kabatā šķiltavas. Iešķīlis uguni, sakūris un nu tikai griezis zivs treknumus un cepis un noēdies labi. Zivs tāpat būs manījusi sāpes, tādēļ izspļāvusi šo ar visu laivu atkal dienas gaismā ‘Однажды в море показалась такая большая рыба, что страшно... Потом рыба, уходя прочь, проглотила рыбака вместе с лодкой. Рыбак тем не менее остался жив, только во чреве у рыбы было отвратительно темно и хотелось есть. Тут он вспомнил про дрова в лодке и огниво в кармане. Высек огонь, зажег и стал отрезать рибий жир и жарить, и наелся досыта. Но рыба также почувствовала боль, поэтому выплюнула его вместе с лодкой в дневной свет»⁵⁷.

При этом литовская сказка с соответствующим мотивом обнаруживает прямые указания на инициацию и получение чудесных знаний. Герой сказки по наставлению отца каждый день крошил в море хлеб, но со временем устал и стал бросать уже только несколько крошек:

*Užpyko už tai didžuvė, ėmė vieną sykį ir prarijo jį ir nunešė žuvų karaliui.
– Už ką gi tu jį prarijai? – klausė žuvų karalius. – Jis tau gera darė, o tu jam piktą atsिमokėjai! Taip negalima daryti. Išmokink tą žmogų ir paleisk.*

Karaliaus reikia klausyti: paėmė didžuvė tą žmogų pas save, išmokino jį paukščių ir gyvulių kalbos, o paskui išnešė ir išspjovė ant kranto.

‘Разгневалась за это большая рыба, взяла, да и проглотила его и отнесла к рыбному королю.

– За что же ты его проглотила? – спросил рыбный король. – Он тебе добро делал, а ты ему злом отплатила! Так нельзя делать. Н а у ч и этого человека и отпусти.

Короля надобно слушаться: взяла рыба того человека к себе, научила его птичьему и звериному языку, а потом вынесла и выплюнула на берег»⁵⁸.

⁵⁶ А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов, т. II. Москва, 1995, с. 79.

⁵⁷ Цит. по: <<http://www.ailab.lv/pasakas/G.htm/241/0119601.htm>>.

⁵⁸ Lietuvių tautosaka, III: Pasakos / Paruošė L. Sauka, A. Seselskytė. Vilnius, 1965, с. 563, № 198; cp. Lietuviškos pasakos įvairios / Surinko Jonas Basanavičius, IV. Vilnius, 1998, с. 495, № 232.

В «Калевале» (XVII.617–620) Вяйнямйнен, выйдя из чрева проглотившего его великана Випунена, тоже признается: «Ста словам я научился, / Тысячу узнал заклятий, / Вынес скрытые заклятья / И слова из тайной глубины»⁵⁹.

Действительно, как подчеркнул М. Элиаде, «в некоторых регионах обряды инициации при наступлении половой зрелости включают вхождение в фигуру, напоминающую водное животное (крокодила, кита или большую рыбу)»⁶⁰. Например, по словам Р. Паркинсона, «в культе Кват на острове Банка на уединенном месте делается своего рода загон (enclosure) посредством забора из тростника, два конца которого нависают и образуют вход. Это называется пастью акулы»⁶¹. «Боас в своей книге о социальной организации племени квакиутл[ь] показал, какое большое распространение имеет рыба в качестве тотемного животного; фасады многих домов расписаны огромными рыбами, так что вступающий в дом как бы вступает в рыбу»⁶². Ср. литовскую загадку, в которой рыба уподобляется дому: *Maža maža klėtėlė, skatikėliais dengta* ‘Малюсенькая клеть, деньжатами покрыта’⁶³; также латышские: *Dzīvai mājīņai sidraba jumtiņš* ‘У живой избушки серебряная крыша’; *Maza mājīņa ar sudraba sienām* ‘Маленькая избушка с серебряными стенами’ = рыба⁶⁴. В Японии во время «праздника мальчиков» (некое подобие обряда инициации), который отмечался пятого дня пятой луны, а ныне – просто 5-го мая, «для достижения успехов в жизни мальчик должен был предварительно пролезть сквозь матерчатого карпа»⁶⁵. Также «считается, что шаманы Лапландии во время своих трансов входят в кишечник большой рыбы или кита»; наконец, «не может быть никакого сомнения, что рыба, которая проглатывает Иону и других мифических героев, символизирует смерть; ее брюхо представляет Преисподнюю. В средневековых представлениях Преисподняя часто рисовалась как огромное морское чудовище, которое, вероятно, имело своим прототипом библейского Левиафана. Поэтому быть проглоченным им равнозначно смерти, спуску в Преисподнюю – переживанию, которое явно подразумевается всеми примитивными обрядами инициации»⁶⁶. Таким образом, «опыт вхождения в чрево кита или большой рыбы, как в истории Ионы, сродни тем религиозным представлениям, которые стали основой для мистерий инициации и ритуалов смерти и возрождения через вновь обретенную мудрость. Варианты данного символа перехода обнаруживаются повсеместно, от обрядов инициации в Океании, Западной Африки, Лапландии и Финляндии до североамериканского индейского сказания о Гиавате, проглоченном Царем Рыб»⁶⁷.

⁵⁹ Калевала / Перевод Л.П. Бельского. Петрозаводск, 1985, с. 150.

⁶⁰ М. Элиаде. Мифы, сновидения, мистерии. Москва, Киев, 1996, с. 256.

⁶¹ В. Я. Пропп. Собрание трудов, с. 157, см. 308–309.

⁶² В. Я. Пропп. Фольклор и действительность: Избранные статьи. Москва, 1976, с. 228. Целый ряд примеров строений инициационного назначения в форме мифического чудовища приводит, например, Дж. Дж. Фрэйзер. Золотая ветвь. Москва, 1998, с. 725–728.

⁶³ Lietuvių folkloro chrestomatija / Parengė Bronislava Kerbelytė, Bronė Stundžienė. Vilnius, 1996, с. 161, № 319; Lietuvių tautosaka, V: Smulkioji tautosaka, zaidimai ir šokiai / Paruošė K. Grigas. Vilnius, 1968, с. 528, № 6181.

⁶⁴ Latviešu tautas miklas, с. 320, № 3715, 3716.

⁶⁵ А. Н. Мещеряков. Книга японских символов. Москва, 2004, с. 170.

⁶⁶ М. Элиаде. Мифы, сновидения, мистерии, с. 259–260.

⁶⁷ The Encyclopedia of Religion / Editor in chief Mircea Eliade, V. New York, 1993, с. 347.

Нам в данном случае существенно то, что, по словам В. Проппа, «мотив переноса в лодке или бочке произошел от мотива переноса в рыбе. В американских сказаниях юноша переносится в чреве рыбы, которая его проглотила. Он себя вырезает. Переход от рыбы к лодке и бочке, от вырезания из рыбы к выбиванию дна бочки может быть показан на материале очень точно. Нам важно отметить здесь лишь то, что в исторической перспективе этот мотив восходит к поглощению рыбой»⁶⁸. «Вероятно сюда восходит и Ной, также входящий в большую лодку, или ковчег, закрывающий себя в нем и выходящий из него родоначальником людей», наконец, «с этой точки зрения интересно пересмотреть пребывание в плавающей корзине Моисея (который затем становится вождем и спасителем своего народа)»⁶⁹. К такому же заключению приходит Рене Генон: «Если мы теперь сравним с этим историю Ионы, увидим, что кит, вместо того, чтобы просто вести ковчег, на самом деле с этим ковчегом отождествляется. Действительно, Иона находится в теле кита так же, как... Ной – в ковчеге»⁷⁰.

Наконец, имеются данные о том, что лодка или корабль в мифологическом сознании вообще изначально воспринимались в качестве водяного чудовища, в частности именно «большой рыбы». В этом отношении, например, очень показательны представления об инициации мастера по изготовлению лодок племени варрау устья Ориноко. Во время инициации юношу проглатывает и вновь извергает чудовище, а «в это время он ощупывает бока чудовища и тем самым получает представление, каковы должны быть размеры и пропорции лодок, которые он будет делать»⁷¹. На универсальность таких архаичных представлений указывает и XVII руна «Калевалы», в которой Вяйнямёйнен, будучи «в утробе» великана Випунена, узнает от него «три слова» заклинания, необходимых для изготовления лодки⁷². Указания на имевшее место отождествление лодки или корабля с «большой рыбой» имеются и в латинском языке: наряду с *piscis* 'рыба' ср. *pistris, pistrix* 'морское чудовище (кит, акула)', но в то же время и 'небольшое быстроходное военное судно'⁷³. Притом и в античном и христианском символизме корабль иногда отождествляется с рыбой.⁷⁴ Зодиакальному знаку Рыб в европейской традиции, в свою очередь, соответствует корабль «Арго», в еврейской – корабль⁷⁵. О том же, в конечном счете, свидетельствует и русская загадка, в которой корабль или лодка непосредственно

⁶⁸ В. Я. Пропп. Фольклор и действительность, с. 275; см. В. Я. Пропп. Собрание трудов, с. 324–325.

⁶⁹ В. Я. Пропп. Собрание трудов, с. 326.

⁷⁰ R. Guénon. Fundamental Symbols: The Universal Language of Sacred Science. Oxford and Northampton, 1995, с. 110.

⁷¹ Ю. Е. Березкин. Мифы южноамериканских индейцев на сюжет обряда инициации // Фольклор и этнография: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов / Под редакцией Б.Н. Путилова. Ленинград, 1984, с. 14.

⁷² Калевала, с. 143–151.

⁷³ Латино-русский словарь / Составили И. Х. Дворецкий и Д.Н. Корольков. Москва, 1949, с. 672.

⁷⁴ C. G. Jung, C. Kerényi. Essays on a Science of Mythology: The Myth of the Divine Child and the Mysteries of Eleusis. Princeton University Press, 1973, с. 46, 51. Дополнительно по этому поводу ср., с одной стороны, «Айтарея брахману» III.2.29: «Жертва – это быстрая рыба, проплывающая мимо», а с другой, «Шатапатха брахману» IV.2.5.10: «Жертва, во всем своем единстве, – это корабль, несущий тебя в небо» (цит. по: М. Элиаде. Шаманизм, с. 369).

⁷⁵ См. таблицы в: В.Н. Топоров. Месяцы // Мифы народов мира, II, с. 143, 145.

уподобляются рыбе: *Рыбина-белужина все берега окружила, зима пришла – она в гору пошла* = корабль или лодка⁷⁶. Также латышская загадка: *Lidaka upē, zarnas mežā* ‘Щука в реке, потраха в лесу’ = лодка в реке⁷⁷.

Таким образом, рыба, точнее – мифологическая «большая рыба» может считаться прообразом лодки или корабля, необходимые для построения которого знания, а может быть, и сама идея его впервые, вполне вероятно, были получены человеком во время архаической инициации, состоявшей во вхождении в чрево этой «большой рыбы», будучи проглоченным ею, и успешном выходе оттуда, символически преодолев смерть.

Кстати, заслуживает внимания в данном контексте этимология самого русского слова *корабль*, высказанная В. Э. Орлом, напрямую связавшим это слово с чешск. диал. *korāb* ‘лошадиный скелет, остов’, нижнелуж. *kórabja, kórabje* ‘скелет’ на основании предположения о том, что корабль изначально был «(крупной) шпангоутной конструкцией» в отличие от мелких судов-однодревок⁷⁸. Ср. выше будущего мастера по изготовлению лодок племени варрау устья Ориноко, во время инициации ощупывавшего изнутри бока проглотившего его чудовища.

⁷⁶ Загадки русского народа, с. 186, № 1519; Загадки, с. 134, № 4485.

⁷⁷ *Latviešu tautas miklas*, с. 170: №1723a.

⁷⁸ А. Ф. Журавлев. Язык и миф, с. 293, с указанием на рукопись.

The Fish as a Mythological Prototype of the Boat

Dainius Razauskas

There is a well known idea in very many (perhaps all) mythological traditions that some kind of water body lies between this and the other world. The deceased must cross it to get to the land of the dead. Sometimes the land of the dead is placed in the very depths of this water body. On these grounds, it was suggested by V. Kazanskienė that the Indo-European roots designating 'sea' and 'death' respectively (cf. Lat. *mare* and *mors* etc.) might be connected even etymologically. Sometimes the deceased float to the sea as their last resting place by a river.

There are in the Eastern slavic (at least Russian and Belarusian) and Baltic (Latvian and Lithuanian) traditions some riddles which directly define the water body as death. For example, Russian: *Еду, еду, ни пути, ни следу, смерть подо мной, Бог надо мной* 'I ride, I ride, no way before, no trace behind, just death under me and the God above'; Latvian: *Ceļš bez smilšu, zirgs bez kāju, apakšā nāve* 'The road without sand, the horse without legs, death below' = riding a boat. And in very many traditions, beginning perhaps with those of Ancient Egypt, and including the Slavic and the Baltic, the deceased sail to the place of their destination in a boat, or ferry. Cf. also the well known burials in ships, the Northern in the first place, known also in Baltic and Eastern slavic regions. In this connection, attention is called to such words as Lett. *nāve*, Lith. *novė* 'death', OPruss. *nowis*, ORuss. *навь*, Goth. *naus* 'dead body, corpse' and, on the other hand, Lat. *nāvis*, Gk. *naus* 'boat, ship'.

But the idea of the boat in the waters of death is not the primary one. Its antecedent is the idea of death as a big fish swallowing the deceased (cf. *sarko-fagos*, namely 'the corpse-eater', etc.). The examples of this idea are numerous and well known. What is of interest in our case, is the mythological subject of a hero being swallowed by a fish, yet managing to get out of it, sometimes with a kind of new magical knowledge, evidently meaning an initiation. Cf. initiation huts in the form of a big fish known in some primitive traditions.

Notable in our case is the traditional initiation of the shipwright (boat-tailor) at the mouth of the Orinoco: he is swallowed by a big fish which he then studies from inside, in this way gaining the necessary information on the structure of boats he is going to make. Cf. also the 17th rune of "Kalevala" where Vainamoinen, when swallowed by a monster, knows from him the "three words" indispensable for making boats.

One of the etymological solutions for the Russ. *корабль* 'ship' is of interest in this context, that which connects it with the Lower Sorbian (Lusatian) *kórabja, kórabje* 'skeleton'. Cf. also Lat. *piscis* 'fish', *pistris, pistris* 'sea monster (whale, shark)' and at the same time 'man-of-war, warship'. This same archaic identification of the fish and the boat is still present in Slavic and Baltic folk traditions, for instance, in the Russian riddle: *Рыбина-белужина все берега окружила, зима пришла – она в гору пошла* 'The big white fish encircled all the banks (shores), the winter came – it went uphill' = boat (ship); and in the short but expressive Latvian one: *Līdaka upē, zarnas mežā* 'The pike is in the river, the guts are in the wood' = boat on the river.